

Глава 31: Достаточно ослепителен

—

Цзян Сюньюй скоро уснул, но спал беспокойно.

Цзи Юйчжоу посидел немного рядом и увидел, как брови Цзян Сюньюя постепенно нахмурились, а на лбу выступил холодный пот.

Цзи Юйчжоу нахмурился, собираясь позвать врача, как вдруг услышал низкий, едва сдерживаемый стон Цзян Сюньюя.

«Не, не трогай меня...»

Цзян Сюньюй плотно закрыл глаза, выражение его лица было мучительным, казалось, он изо всех сил от чего-то убегал во сне.

Приснилось прошлое в приюте?

Цзи Юйчжоу почувствовал боль в сердце. Он протянул руку, чтобы убрать волосы Цзян Сюньюя, прилипшие к щеке от пота, но тут же услышал, как тот продолжил: «Господин, господин Цзи... я грязный... не... не трогай меня».

Длинные пальцы остановились в десяти сантиметрах от щеки Цзян Сюньюя. Кончики пальцев слегка дрожали.

Время, казалось, внезапно остановилось. Кислый комок поднялся в груди Цзи Юйчжоу и постепенно распространился по его конечностям, тяжелый, онемевший, заставив его на мгновение почувствовать растерянность.

Растерянность. Цзи Юйчжоу остро почувствовал это совершенно незнакомое ему чувство.

Простояв несколько секунд неподвижно, он молча отдернул руку. Его взгляд был прикован к Цзян Сюньюю, на лбу которого все еще выступал пот, но он больше не протягивал руку, чтобы прикоснуться к нему.

Сны часто отражают самые глубокие внутренние переживания. Оказывается, даже сейчас малыш все еще страдал от чувства неполноценности.

Это наконец заставило Цзи Юйчжоу ясно понять, насколько сильное психическое истязание пережил Цзян Сюньюй в прошлом. Это грязное клеймо скрывалось глубоко в его сердце и никогда не исчезало.

Несмотря на это, он оставался стойким, изо всех сил стремясь к свету.

В эпоху древней Земли была писательница Чжан Айлин, которая однажды сказала: «Если вам кто-то нравится, вы готовы пасть очень низко, настолько низко, что из пыли распухнет цветок». Но Цзян Сюньюй отличался от обычных людей. Он уже был укоренен в грязи и пыли, не имея ни солнечного света, ни росы, ни питания. И все же, несмотря на это, он все равно был готов изо всех сил расцвести ради того малого света, что ему довелось увидеть.

Этот цветок, возможно, был невелик, но достаточно ослепителен.

Даже заставил Цзи Юйчжоу почувствовать, что его прежние мысли об использовании ребенка

были слишком подлыми.

Если дать малышу достаточно солнечного света и влаги, достаточно пространства для роста, насколько пышно он сможет разрастись?

Подумав об этом, Цзи Юйчжоу самоиронично улыбнулся.

Он всегда славился своей жесткой рукой и железной волей, а однажды стал так сильно задумываться о будущем какого-то ребенка.

Цзи Юйчжоу опустил глаза, больше не размышляя. Он наклонился и осторожно похлопал Цзян Сюньюя по плечу. Его голос был низким и нежным: «Сюньюй, проснись, у тебя был кошмар».

После пары таких похлопываний Цзян Сюньюй, полусонный, открыл глаза и посмотрел на Цзи Юйчжоу: «Мм... господин Цзи?»

«У тебя был кошмар», — Цзи Юйчжоу незаметно убрал руку, голос его оставался нежным, — «Как себя чувствуешь?»

Мозг Цзян Сюньюя был немного затуманен. Он изо всех сил попытался сесть на кровати. Он лишь смутно помнил, что только что в полузабытьи почувствовал душераздирающую боль, но что именно ему приснилось, он совершенно не помнил.

Он помассировал свою затуманенную голову, покачал головой, хриплым голосом произнес: «Все в порядке...»

—

Раны на теле Цзян Сюньюя почти зажили. После того, как он проснулся, врачи провели ему еще одно комплексное обследование, убедившись, что других проблем нет, и Цзи Юйчжоу забрал его домой.

На следующее утро Цзи Юйчжоу снова отвез его к Ли Ханьцю.

Не говоря уже о том, что их вещи оставались там, в конце концов, это было не такое уж незначительное событие, обмануть Ли Ханьцю ненадолго было можно, но не навсегда. Ли Ханьцю постепенно почувствовала неладное и не раз звонила Цзи Юйчжоу, спрашивая, что случилось.

По телефону Цзи Юйчжоу не мог вдаваться в подробности, поэтому пообещал Ли Ханьцю, что через пару дней привезет Цзян Сюньюя обратно, и только так смог временно успокоить ее беспокойное сердце.

Вернувшись на прежнее место, они обнаружили, что обстановка во дворе и в доме осталась точно такой же, как и когда они уезжали. Ли Ханьцю внимательно осмотрела их обоих с головы до ног, с упреком сказав: «Я думала, вы уехали всего на два дня, а вы пропали на полмесяца... Скоро ведь каникулы закончатся?»

«Прости, мама. Я объясню тебе, что произошло за эти дни».

Цзи Юйчжоу тихонько вздохнул, сел на диван рядом. Цзян Сюньюй послушно сел рядом с Цзи Юйчжоу. Ли Ханьцю приняла более серьезное выражение лица и села напротив них.

Ли Ханьцю словно с облегчением сказала: «Наконец-то готов сказать правду?»

...

Голос Цзи Юйчжоу был низким. Ли Ханьцю просто тихо слушала, но ее брови постепенно нахмурились, сведясь к переносице.

Услышав, что Цзян Сюньюй прикрыл собой Цзи Юйчжоу от выстрела, ее глаза резко расширились, брови сошлись, и она, глядя на Цзян Сюньюя, воскликнула: «Куда ранили?!»

Цзи Юйчжоу взглянул на Цзян Сюньюя: «Правое плечо».

Ли Ханьцю встала, села рядом с Цзян Сюньюем. Ее пальцы осторожно потянулись к плечу Цзян Сюньюя, но она боялась причинить ему боль и неловко держала руку в воздухе: «Сейчас лучше?»

Забота вызвала у Цзян Сюньюя кислое чувство в сердце. Он покачал головой, поспешно сказав: «Уже не болит».

«Ох», — рука Ли Ханьцю наконец опустилась. Она осторожно погладила плечо Цзян Сюньюя. — «Глупый ребенок, в следующий раз ни в коем случае не делай такой глупости. Юйчжоу прошел высокоинтенсивную профессиональную подготовку, обычный фотонный пистолет его не поразит».

Тело Цзян Сюньюя слегка напряглось, он медленно опустил голову.

На самом деле он знал все, что сказала Ли Ханьцю.

Без определенных навыков и способностей Цзи Юйчжоу не смог бы спокойно занимать свое положение. Но знать — это одно, а сделать — совсем другое. Так же, как и в драке со студентом в классе. Он прекрасно знал, что тот не причинит реального вреда господину Цзи, но все равно подсознательно, даже ценой всего, хотел остановить его клевету.

Реакция тела опередила разум. Желание защитить господина Цзи своим способом, казалось, стало для Цзян Сюньюя своего рода инстинктом.

Его голос стал низким и хриплым: «Я сделал это по доброй воле...»

Ли Ханьцю вздохнула, сострадание в ее сердце стало еще сильнее.

«Глупый ребенок».

Если раньше у нее еще были небольшие сомнения насчет Цзян Сюньюя, то услышав его слова, она убедилась: Цзян Сюньюй будет предан только Цзи Юйчжоу.

А ее родной сын, кажется, еще не готов раскрыть свое сердце.

Сидевший рядом Цзи Юйчжоу слышал их разговор. Его спокойное сердце наполнилось волнами, словно в него бросили камень.

В словах Цзян Сюньюя было так много чувств, как он мог этого не заметить?

Он незаметно сменил тему разговора: «Мама, в следующем месяце у меня будет отгул. Я приеду с Сюньюем навестить тебя снова».

Эти чувства, основанные на ограниченном опыте, — всего лишь временное увлечение,

мимолетное сердечное волнение, они не продлятся долго.

Когда он в будущем увидит внешний мир, он поймет, насколько эти нынешние чувства наивны, слабы и незначительны.

Непонятно почему, но Цзи Юйчжоу вдруг на мгновение почувствовал легкое сожаление.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131906>